

Стаси и Элен Твенти

Волшебная
кондитерская
в сером городе

Стаси и

**Волшебная кондитерская
в сером городе**

«Литнет»

2025

и С.

Волшебная кондитерская в сером городе / С. и — «Литнет»,
2025

— Хочу дарить людям радость и печь кексики! Накатила хандра? Читайте эту книгу ♥️#Мечтательная девушка переезжает на новое место и открывает кондитерскую в мрачном городе. Добрая история о том, как одна жизнерадостная душа способна зарядить оптимизмом целый город. В книге есть юмор и любовь, настоящая дружба, искренняя радость за успехи ближнего, а также интриги, грязные слухи и предубеждения.

© и С., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Глава 1. Розовое на сером	5
Глава 2. Кофе для концентрации и говорящая свинья	6
Глава 3. Побочный эффект шоколадной крошки	8
Глава 4. Леденцы, почтальоны и хрюкающий скептик	9
Глава 5. Серая мышь и дверь в другой мир	11
Глава 6. Конфета «Внутреннее сияние»	13
Глава 7. Чай для мэра	15
Глава 8. Запах ванили на идеальной скатерти	17
Глава 9. Брауни для внутреннего критика	18
Глава 10. Лаборатория счастья	20
Глава 11. Две бури в чашке чая	22
Глава 12. Пыль на старых фотографиях	24
Глава 13. Инспекция с привкусом презрения	26
Глава 14. Руководство по воспитанию драконов	28
Глава 15. Остывающее какао	30
Глава 16. Пирожное «Нежный вечер»	33
Глава 17. Начало оттепели	35
Глава 18. Трещина во льду	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Глава 1. Розовое на сером

Октябрь выкрасил городок Чародол во все оттенки серого. Серые тучи висели над серыми черепичными крышами, а мокрый асфальт отражал серое небо. Воздух пах мокрым камнем и пережаренными каштанами с лотка на углу. Даже магические фонари, что обычно подмигивали прохожим золотистыми искрами, сегодня горели тускло — как будто устали верить в собственное волшебство.

Алекс устало шагал по брусчатке, чувствуя, как промозглый ветер залезает под воротник пальто и путается в его темных волосах. Совещание с начальником, Эдуардом Магистровичем, оставило во рту привкус пепла и разочарования.

«Нам нужна синергия астральных потоков!» — до сих пор звенел в ушах его самодовольный голос. Алексу же нужна была всего лишь чашка горячего черного кофе в его любимом месте.

Алекс свернул на рыночную площадь и тут же чуть не угодил в эпицентр локальной катастрофы.

— Седьмая, твою деревянную душу! Оставь лужу в покое!

Дворник дядя Толя, красный от натуги, дирижировал своим своенравным рабочим коллективом. Из дюжины магических метел прилежно трудилась от силы одна. Остальные устроили настоящий балаган.

— А ну вернись, пернатая твоя погибель! — орал дворник метле, которая азартно гонялась за нахохлившимся голубем, игнорируя россыпь листьев.

Другая, под номером семь, с упорством маньяка пыталась вымести воду из лужи, поднимая фонтан грязных брызг. Еще две лениво тыкались друг в друга черенками, словно бодающиеся козлята.

— Разошлись, бестолочи! — рывкнул дядя Толя. — Это вам не танцплощадка!

Алекс обогнул поле битвы. Очередное доказательство, что магия — не панацея, а часто просто головная боль. Но все это было неважно. Впереди, в знакомом переулке, его ждало убежище. Кофейня «Уютный гримуар». Его личный островок здравомыслия, где пахло не корицей от заклинаний, а перемолотыми кофейными зернами и старой бумагой. Мысль об этом согревала лучше любого пледа.

Он свернул в переулок, уже предвкушая, как толкнет тяжелую дубовую дверь... и замер. На месте его кофейни было что-то невообразимое.

Словно кто-то чихнул радугой прямо на фасад. Цвет сахарной ваты, кричащий и неуместный, бил по глазам. Из огромных, сияющих чистотой окон, на него таращились кексы с нарисованными глазками. А над дверью, где раньше висела знакомая кованая вязь, теперь красовались золотые завитушки: «Сладкая Фантазия».

Алекс снял очки и протер их мокрым рукавом. Может, это дурацкая иллюзия? Нет. Розовое чудовище никуда не делось, оно сияло посреди серой улице как оскорбление всему миру.

Его кофейня. Его убежище. Его крепость. Исчезла.

Онемение сменилось яростью, захлестнувшей его ледяной волной. У него отняли его место. Единственное место в Чародоле, где он чувствовал себя в своей тарелке. И заменили этим... этим кондитерским недоразумением.

Дождь усилился. Капли барабанили по капюшону, стекали по лицу. Алекс стоял под серым небом, промокший и злой, и смотрел на безвкусную вывеску. Его день, и без того паршивый, только что был окончательно и бесповоротно уничтожен.

Глава 2. Кофе для концентрации и говорящая свинья

Гнев — отличный мотиватор. Он заглушил холод и заставил Алекса действовать. Кто бы ни стоял за этим розовым вандализмом, Алекс должен был высказать ему все, что думает. Он решительно толкнул дверь, над которой весело звякнул маленький колокольчик, и шагнул в другой мир.

Если снаружи был взрыв цвета, то внутри бушевал настоящий ураган. Стены были выкрашены в нежный персиковый оттенок, с потолка свисали гирлянды из бумажных фонариков, а воздух был таким густым от запаха ванили и свежей выпечки, что его, казалось, можно было резать ножом. Вдоль одной стены тянулась витрина, заставленная пирожными всех мыслимых форм и оттенков: лимонные тарты, мятные эклеры, шоколадные кексы, увенчанные шапками крема. Все было ярким, уютным и до тошноты жизнерадостным.

За прилавком стояла девушка. Она была под стать своему магазинчику — светлые волосы собраны в небрежный пучок, из которого выбивались короткие завитки, глаза цвета крепкого чая и яркий кардиган, который выглядел так, будто его связала очень оптимистичная бабушка. Незнакомка протирала стеклянную банку и, заметив Алекса, одарила его такой лучезарной улыбкой, что у него на мгновение свело скулы.

— Добрый день! — пропела она. — Чем могу помочь?

Прежде чем Алекс успел выдать свою гневную тираду, что-то у его ног хрюкнуло. Он опустил взгляд. Прямо на него смотрела пара умных поросячьих глазок. На полу, на мягком клетчатом коврикe, сидел мини-пиг. Самый настоящий. Розовый, с деловитым пятячком.

— О, еще один мокрый и недовольный, — проворчал мини-пиг с отчетливым похрюкиванием. — Хозяйка, у нас сегодня аншлаг.

Алекс замер. Свинья. Говорящая. Это было уже слишком даже для Чародола. Он медленно поднял глаза на улыбающуюся девушку, ожидая хоть какого-то объяснения.

— Ой, не обращайтесь внимания, это Борис, — беззаботно махнула она рукой. — Он сегодня не в духе. Дождь действует ему на нервы.

Алекс сглотнул. Весь его заготовленный гнев куда-то улетучился, оставив после себя лишь глухое ошеломление.

— Здесь... раньше была кофейня, — наконец выдавил он, цепляясь за последнюю ниточку реальности.

— Была! — радостно подтвердила девушка. — А теперь здесь мы! Гораздо лучше, правда?

Он оглядел приторно-сладкий интерьер.

— Сомнительно. У вас найдется что-то столь же банальное, как черный кофе? Или все напитки тут делаются из радужной пылицы и слез единорога?

Его сарказм, казалось, отскочил от ее улыбки, не оставив и царапины.

— У нас есть кое-что получше! — она с энтузиазмом развернулась к сверкающей кофемашине. — «Кофе для Концентрации»! Он помогает собраться с мыслями и прогоняет осеннюю хандру.

— Он просто черный? Без сиропа, без взбитых сливок, без магических искр?

— Абсолютно черный, как ночь в безлунную погоду! — заверила она, ловко управляясь с аппаратом. — Но сварен с особой любовью.

Пока она готовила кофе, ее взгляд упал на витрину.

— А к нему вам просто необходим кекс «Анти-Ворчун». Он с шоколадной крошкой. Помогает взглянуть на мир под другим углом.

«Анти-Ворчун», — мысленно передразнил Алекс. Какая нелепость. Но спорить с этой девушкой было все равно что пытаться спорить с солнечным зайчиком. Бессмысленно и утомительно. К тому же, он был голоден, а кекс, надо признать, выглядел аппетитно.

— Ладно, — сдался он. — Давайте ваш кофе... для концентрации. И этот... кекс.

— Отличный выбор! — просияла она, упаковывая его заказ в бумажный пакет с нарисованным на нем улыбающимся облачком.

Расплатившись и забрав свой пакет, Алекс попятился к выходу, чувствуя себя так, словно сбегал с места преступления.

— Заходите еще! — крикнула ему в спину девушка.

— Непременно, — буркнул он себе под нос, понимая, что это самая большая ложь, которую он говорил за весь день.

Вывалившись обратно под серый дождь, он плотнее закрыл за собой дверь. Звон колокольчика затих, отрезая его от мира ванили, говорящих свиней и невозможного оптимизма. Алекс побрел по улице, сжимая в руке бумажный стаканчик. Он еще не знал, что именно купил, но отчетливо понял — этот кофе был не так прост.

Глава 3. Побочный эффект шоколадной крошки

Вернувшись в свой серый куб офисного пространства, Алекс почувствовал себя так, словно вынырнул из красочного сна в унылую реальность. Здесь не было запаха ванили, только остывший пластик и легкий коричный привкус от магического кулера в углу. Он со вздохом опустился в свое кресло.

На столе его ждал бумажный стаканчик с нелепым логотипом и пакетик с еще более нелепой улыбающейся тучкой. «Кофе для Концентрации». Алекс хмыкнул. Обычный офисный автомат тоже выдавал нечто под названием «Эликсир Бодрости», но на деле это была просто горькая бурда, зачарованная на поддержание температуры.

Он сделал глоток. И удивленно моргнул. Кофе был... хорошим. Крепким, ароматным, без посторонних привкусов вроде жженных заклинаний или магической пыли. Просто качественный, честный кофе. Это было неожиданно.

Затем он развернул пакетик. Внутри лежал идеально круглый кекс с крупными каплями темного шоколада. «Анти-Ворчун». Ну-ну. Алекс откусил. Кекс был мягким, в меру сладким, а шоколад приятно таял на языке. Вкус оказался домашним и настоящим. Не таким, как у бездушных офисных печений, которые материализовались в автомате по запросу.

Пока он жевал, его взгляд машинально упал на монитор, где уже неделю висела мертвым грузом одна и та же проблема. Строки кода, которые он знал наизусть, сплетались в неразрешимый узел. Ошибка в модуле синхронизации данных. Она была неуловимой, как привидение. Он перепробовал все: менял алгоритмы, откатывал библиотеки, даже, отчаявшись, пробовал «магический отладчик» Эдуарда, который только подсветил весь код фиолетовым и сообщил, что «астральные флуктуации в норме». Бесполезная чушь.

Алекс допил кофе, доел кекс и снова устался в код. Это была логическая стена. Непробиваемая. Он проверил все циклы, все условия, все переменные. Тупик.

И вдруг...

Это было не озарение, не вспышка света. Просто тишина в голове. Мысли, до этого скакавшие по кругу, внезапно выстроились в одну ровную линию. Шоколадная крошка еще не успела до конца растаять во рту, когда он увидел.

Ошибка была не в сложном алгоритме, она пряталась в самом начале, в одной-единственной строчке, где он объявлял начальную переменную. Глупая, элементарная ошибка, которую его мозг, заикленный на поиске сложного решения, просто отказывался замечать. Она была слишком очевидной, чтобы быть правдой.

Пальцы сами полетели по клавиатуре. Алекс быстро внес исправление, запустил компиляцию и, затаив дыхание, нажал на кнопку теста.

Зеленая галочка. «Тест пройден».

Алекс откинулся на спинку стула. Неделя мучений. Неделя тупика. И все решилось за пять минут после чашки кофе и одного кекса.

Алекс посмотрел на пустой бумажный пакетик с улыбающейся тучкой.

«Совпадение», — тут же сказал его внутренний скептик. Конечно, совпадение. Просто сахар. Глюкоза попала в мозг, подстегнула нейроны. Или, может, ему просто нужен был перерыв, и этот поход под дождем прочистил голову. Да, именно так. Логично и рационально. Никакой магии.

Но где-то в глубине сознания шевельнулось сомнение. «Кофе для Концентрации». «Кекс Анти-Ворчун». Уж слишком точное попадание.

Он скомкал пакетик, собираясь выбросить. Но рука замерла. Он разгладил бумажку и еще раз посмотрел на простую, от руки нарисованную тучку. Она все так же безмятежно улыбалась. Алекс сунул ее в ящик стола. На всякий случай.

Глава 4. Леденцы, почтальоны и хрюкающий скептик

— И все-таки я считаю, что «Печенье для поднятия боевого духа» звучит солиднее, чем «Печенюшка-Обнимашка», — авторитетно заявил Борис, наблюдая, как Алина расставляет свежую выпечку на витрине.

— Боря, «Обнимашка» вызывает чувство тепла и уюта, — терпеливо объяснила Алина, поправляя марципановую ромашку на кексе. — А «боевой дух» — это что-то для армии. Мы же тут не новобранцев провожаем.

— С такой погодой? Поверь мне, «боевой дух» — это именно то, что нужно этим хмурым личностям, чтобы просто добрести сюда под дождем. Хрю.

Алина лишь улыбнулась ворчанию маленького друга и обвела придирчивым взглядом свои труды. Первые недели в Чароделе были похожи на медленное распускание цветка в хмурым день. Алина приложила все усилия, чтобы открыть кондитерскую в самый короткий срок, а это, знаете ли, оказалось не так-то просто. Попробуйте вы из серого и безжизненного помещения сделать нечто настолько розовое и прекрасное! О да, Алина была довольна результатом и надеялась, что и жители городка проникнутся духом мягкого волшебства.

Хотя сначала местные обходили яркий магазинчик стороной, бросая настороженные взгляды, все же любопытство начало брать верх. Дверной колокольчик звенел все чаще, впуская в ванильное тепло все новые и новые лица.

Первой постоянной клиенткой стала Марья Петровна, пожилая библиотекарьша с уставшими глазами и стопкой магических формуляров, которые вечно давали сбой. Впервые она зашла в поисках чего-нибудь от головной боли.

— Эти новые самозаполняющиеся карточки — суший кошмар, — жаловалась она, прихлебывая предложенный Алиной травяной чай. — Пишут с ошибками, путают авторов. А подrostки шумят так, что заклинания тишины не справляются!

Алина выслушала ее, сочувственно кивая, а потом протянула ей баночку с янтарными леденцами.

— Попробуйте «Лимонные капли Спокойствия», — предложила она. — У них есть маленький секрет.

— Какой еще секрет? — с недоверием спросила Марья Петровна.

— Их нужно активировать, — заговорщицки подмигнула Алина. — Прямо перед тем, как закрыть библиотеку на ключ, возьмите одну, сделайте глубокий вдох и подумайте о своей самой любимой книге. Пусть леденец медленно тает во рту. Это как сигнал для всего организма: «Рабочий день окончен, пора отдыхать».

Библиотекарша фыркнула, но баночку купила. А через два дня вернулась за новой.

Следом за ней потянулись и другие. Уставший почтальон Иван, чья левитирующая сумка вечно барахлила и роняла письма в лужи, теперь каждое утро заходил за «Имбирным пряником для Выносливости».

— Главное, начинайте есть с ног! — советовала Алина, протягивая ему фигурку человечка. — В них вся сила!

После обеда набегала стайка школьников. Громкие, полные энергии, они скупали «Мармеладных червячков для сообразительности» и «Тянушки от скучных уроков». Алина для каждого находила пару слов, спрашивала, как дела в школе или на работе, и постепенно знакомилась с каждым жителем маленького городка.

— У меня завтра контрольная по истории заклятий, я ничего не запомню, — причитала однажды веснушчатая девочка, с тоской глядя на витрину.

— Тогда тебе точно нужен «Шоколад для хороших снов», — уверенно заявила Алина, отламывая плитку темного ароматного шоколада. — Активатор простой: съешь один кусо-

чек прямо перед сном и вспомни одну вещь, которую ты сегодня точно выучила. Даже самую маленькую формулу. Это поможет мозгу уложить все знания по полочкам за ночь.

Девочка ушла, прижимая к груди заветный кусочек, и на ее лице уже не было прежней паники.

Вечером, когда последний покупатель ушел, Алина заперла дверь и начала уборку. Ей нравился этот городок, нравились эти немного хмурые, но по-своему милые люди. Она чувствовала, что находится на своем месте.

Глава 5. Серая мышь и дверь в другой мир

Лизе казалось, что вся ее жизнь проходит под аккомпанемент дождя. Он стучал по подоконнику, когда она делала уроки, барабанил по зонту по дороге в школу и шелестел в водосточной трубе за окном ее комнаты по вечерам. Она привыкла к этому звуку, так же как привыкла быть незаметной.

Лямки тяжелого рюкзака, набитого учебниками, врезались в плечи. Лиза шла, низко опустив голову, стараясь не наступать на трещины в асфальте. Быть невидимой — это почти суперспособность, которую она оттачивала годами. Не смотреть в глаза, не говорить громко, носить немаркие серые свитера. Идеальная маскировка.

Сегодняшний день был особенно серым. На уроке истории магии ее вызвали к доске, и она, зная ответ назубок, не смогла выдать из себя ни слова, пока весь класс на нее смотрел. Антон, сидевший на три парты впереди, даже не обернулся. Он вообще, кажется, не подозревал о ее существовании. От этой мысли внутри все сжималось в комок.

Лиза уже подходила к своему дому, когда из-за угла донесся взрыв смеха. Яркого, заливистого, такого, каким сама Лиза смеяться не умела. Она подняла глаза и увидела Катю из параллельного класса. Катя была ее полной противоположностью: всегда в центре внимания, с яркими заколками в волосах и стайкой подружек вокруг. И сейчас она выходила из того самого нового магазинчика, который выглядел в их унылом переулке как экзотическая бабочка, севшая на старый пенёк. В руках Катя держала пестрый бумажный пакетик, и ее лицо сияло от удовольствия.

— Это просто волшебно! — щебетала она по магическому коммуникатору. — Завтра снова зайду!

Лиза замерла, спрятавшись за ствол старого клена. Она видела этот магазинчик раньше, но ей и в голову не приходило зайти. Такие яркие места были не для нее, не для невидимой серой мыши. Но вид счастливой Кати... Что могло быть такого в этой кондитерской, что вызвало такую реакцию? Неужели там продавали что-то по-настоящему волшебное?

Любопытство боролось со страхом. Страх говорил ей идти домой, к своим книгам и своей привычной тишине. «Не ходи, — скрипел внутренний голос, похожий на несмазанные петли. — Они рассмеются. Они увидят тебя, твой выпуклый рюкзак и твой свитер. Ты только опозоришься. Это место для таких, как Катя. Ярких, звонких, уверенных».

Но любопытство, подогретое отчаянием, шептало другое. А что, если там... есть что-то и для нее? Что-то, что может растопить этот ледяной комок внутри?

Она простояла так несколько минут, наблюдая, как силуэт Кати растворяется в дожде. Потом, сделав глубокий вдох, Лиза шагнула из-за дерева и решительно направилась к розовой двери. Рука дрогнула, прежде чем коснуться ручки. «Глупость какая», — пронеслось в голове. Но она все же толкнула дверь.

Звякнул колокольчик.

Ее окутало облако тепла и сладкого аромата. После холодного мокрого переулочка это было похоже на попадание в другой мир. Мир, где с потолка свисали уютные фонарики и все вокруг было персикового, мятного и лимонного цвета. Пахло корицей, печеными яблоками, чем-то цитрусовым и еще... капелькой веселья, как после магического разряда. Это был аромат уюта и приключений одновременно.

На полках стояли ряды банок с лимонными леденцами, мятными тянучками и пирожными, покрытыми глянцевой глазурью. Фонарики были не просто лампочками, а маленькими стеклянными сферами, внутри которых плавали крошечные огоньки, похожие на пойманных светлячков.

За прилавком стояла девушка с яркой улыбкой. А у ее ног, на мягком коврикe, дремал... поросенок. Он открыл один глаз, оглядел Лизу и сонно хрюкнул, после чего снова уткнулся пяточком в коврик.

Лиза застыла на пороге, не решаясь сделать и шага, крепче сжимая лямки своего рюкзака. Все здесь было таким ярким, таким живым. И она, в своем сером свитере, чувствовала себя здесь чужой. И она, в своем сером вытянутом свитере и с мокрыми от дождя волосами, чувствовала себя здесь чужой. Пятном грязи на персиковом ковре.

Девушка за прилавком заметила ее и улыбнулась еще шире.

— Привет! Не стой на пороге, заходи скорее. Чем могу помочь?

Глава 6. Конфета «Внутреннее сияние»

Голос Алины был таким же теплым, как и воздух в кондитерской. Он окутал Лизу, немного растопив ледяной панцирь страха. Она сделала один неуверенный шаг, потом второй, и оказалась у прилавка. Витрина была похожа на сокровищницу гнома: драгоценные камни пирожных, золотые слитки бисквитов, россыпи мармеладных самоцветов.

— Я... — начала Лиза и тут же запнулась. Слова застряли в горле. Она опустила глаза на свои промокшие ботинки.

Алина терпеливо ждала, не подгоняя. Она просто улыбалась своей мягкой ободряющей улыбкой.

— Мне нужна... конфета, — наконец выдавила из себя Лиза почти шепотом. — Чтобы... чтобы стать невидимкой.

Сказав это, она вся сжалась, ожидая смеха или недоуменного взгляда. Ведь это так глупо. Просить конфету, чтобы исчезнуть.

Но Алина даже не моргнула. Она лишь слегка наклонила голову, и в ее «чайных» глазах промелькнуло что-то понимающее.

— Невидимкой? — уточнила она так спокойно, будто ее каждый день просили о подобном. — На контрольной, наверное?

Лиза быстро кивнула, удивленная такой проникательностью.

— Хм, — Алина задумчиво постучала пальцем по прилавку. — Быть невидимкой, конечно, удобно. Но знаешь, что в этом плохо? Все самое интересное пропускаешь. И никто не видит, какая ты на самом деле. У меня есть кое-что лучше.

Она повернулась к одной из стеклянных банок и достала оттуда небольшую карамельку. Конфета была похожа на кусочек застывшего меда, внутри которого, казалось, переливался пойманный солнечный свет.

— Вот. Конфета «Внутреннее сияние».

Лиза недоверчиво посмотрела на карамельку, а потом на Алину.

— Но я не хочу сиять, — пробормотала она. — Я хочу, чтобы меня не заметили.

— Она не заставит тебя светиться, как магический фонарь, — рассмеялась Алина. — Она действует иначе. Она помогает твоему внутреннему свету стать чуточку ярче, чтобы ты сама его заметила. Скажи, а что ты любишь делать, когда не в школе?

Вопрос застал Лизу врасплох.

— Я? — она пожала плечами. — Ничего особенного. Читаю.

— О, читать — это прекрасно! А что именно?

— Стихи. И... и свои пишу, — призналась Лиза, краснея. Она никому об этом не рассказывала.

Глаза Алины загорелись неподдельным интересом.

— Стихи! Это же целая магия — складывать слова так, чтобы они трогали душу. Ты, должно быть, очень тонко чувствуешь мир. Вот видишь? Это и есть твое внутреннее сияние. Просто оно немного... припылилось.

Она аккуратно положила конфету в маленький бумажный пакетик.

— У этой конфеты очень важный активатор, — сказала она заговорщицким тоном. — Без него магия не сработает. Слушай внимательно. Сегодня вечером, перед тем как съесть ее, подойди к зеркалу. Посмотри себе прямо в глаза и скажи один комплимент.

— Комплимент? — Лиза растерялась.

— Да. Любой. «У меня красивые глаза» или «Я сегодня хорошо справилась с задачей по зельеварению». Что угодно, но это должно быть искренне. Сможешь?

Лиза неуверенно кивнула. Это казалось странным, но и интригующим одновременно.

Она расплатилась и взяла пакетик. Он был почти невесомым, но ощущался как самое настоящее сокровище.

— Спасибо, — тихо сказала она и поспешила к выходу.

— Удачи на контрольной! — донеслось ей вслед.

Выйдя на улицу, Лиза с удивлением обнаружила, что дождь почти закончился. Она прижала к груди маленький пакетик. Внутри лежала не конфета для невидимости, а что-то совсем другое. Что-то, что было одновременно и пугающим, и дающим крошечную, как солнечный зайчик, надежду.

Глава 7. Чай для мэра

День клонился к вечеру. Поток покупателей схлынул, оставив после себя лишь сладкие крошки на полу и приятную усталость. Алина протирала витрину, когда Борис, дремавший на своем коврике, вдруг поднял голову и фыркнул.

— К нам идет важная шишка, — пробурчал он. — Пахнет дорогим одеколоном и ответственностью.

Не успела Алина ничего ответить, как колокольчик над дверью деликатно звякнул.

На пороге стоял мужчина средних лет в идеально скроенном, но слегка помятом костюме. У него были усталые глаза, залегшие под ними тени, и жесткая складка меж бровей, говорившая о постоянном напряжении. Несмотря на дорогой вид, он выглядел измотанным. Алина не знала имени мужчины, но по властной осанке сразу поняла, что он был не последним человеком в городе.

Мужчина обвел магазинчик рассеянным взглядом, будто не совсем понимая, как здесь очутился. Его взгляд наткнулся на Бориса, и складка между бровями стала еще глубже.

— Добрый вечер, — мягко сказала Алина, чтобы нарушить молчание. — Чашечку чая? У нас есть согревающий, с корицей и яблоком.

Мужчина вздрогнул, словно его вырвали из неприятных мыслей.

— Чай? — он устало потер переносицу. — Пожалуй. Или у вас есть что-нибудь... покрепче валерьянки?

Алина улыбнулась.

— Есть кое-что получше. Присаживайтесь.

Она указала на маленький круглый столик в углу. Мужчина с благодарностью опустился на стул и ослабил узел галстука.

— Простите, — сказал он, глядя в никуда. — Просто день... сумасшедший. Этот магический документооборот меня доконает.

Пока Алина заваривала в пузатом чайнике ароматную смесь трав, он продолжал говорить, словно прорвало плотину.

— Самопишущие перья с утра устроили забастовку — требуют чернила из редкого лунного кальмара. Доклад, который я диктовал зачарованному пергаменту, решил проявить творческую инициативу и переписал половину в стихах! А «умная» печать, которая должна сама ставить герб на утвержденные указы, сегодня лепит его на все подряд — на мой бутерброд, на рукав пиджака, на нос моей секретарши!

Алина поставила перед ним большую керамическую чашку, от которой поднимался пар с запахом мяты, ромашки и чего-то неуловимо-медового.

— Это «Чай для душевного равновесия», — сказала она. — Он очень простой. Никаких сложных активаторов. Просто пейте медленно и постарайтесь хотя бы пять минут не думать о перьях-забастовщиках.

Мужчина скептически посмотрел на чашку, но все же сделал глоток. Его напряженное лицо на мгновение разгладилось.

— Хороший чай, — признал он, делая еще один глоток. — Настоящий.

Алина не стала его заваливать вопросами. Она просто села напротив и принялась перебирать ленточки для упаковки, давая ему возможность выговориться. И он говорил. О бюджете, о жалобах жителей на левитирующие урны, о том, как трудно управлять городом, где у каждого второго есть волшебная палочка и собственное мнение о том, как ею пользоваться.

Она просто слушала. Не давала советов, не предлагала «волшебных» решений. Она кивала, иногда улыбалась его рассказам о сбежавшей печати и просто создавала вокруг него островок тишины и покоя.

Когда чашка опустела, мужчина посмотрел на Алину с удивлением, будто только сейчас по-настоящему ее увидел.

— Спасибо, — сказал он, и в его голосе прозвучало искреннее облегчение. — Мне... стало легче.

Он поднялся, расплатился и, уже выходя, обернулся.

— Меня Виктор зовут. Я мэр этого города.

— Алина, — улыбнулась она в ответ. — Просто Алина.

Дверь за ним закрылась.

— Ну вот, — хрюкнул Борис, открывая один глаз. — Теперь у нас и городская администрация в клиентах. Скоро налоги конфетами платить будем.

Алина рассмеялась. Она убрала чашку и подумала, что иногда самая действенная магия — это просто выслушать человека, у которого выдался очень, очень тяжелый день.

Глава 8. Запах ванили на идеальной скатерти

В доме мэра Чародола царил безупречный порядок. Изольда Арнольдовна не терпела хаоса ни в чем. Ровно в семь вечера заколдованная скатерть сама расстелилась на полированном дубовом столе, следом за ней бесшумно вылетели из серванта и заняли свои места фарфоровые тарелки. Хрустальные бокалы сверкали так, словно в каждом был заключен осколок звезды.

На плите, под действием поддерживающего тепло заклинания, ждал своего часа ужин: утиная грудка с яблоками, карамелизированными до янтарной прозрачности. Все было идеально. Как всегда.

Все, кроме одного. Виктора не было.

Стрелка на старинных магических часах, показывавших не только время, но и фазы луны, уже перевалила за семь. Семь часов десять минут. Изольда сжала тонкие губы. Она ненавидела опоздания. Это было нарушением порядка, проявлением неуважения. Не к ней — к системе, которую она так тщательно выстраивала. Идеальный дом, идеальный ужин, идеальная жена мэра. Виктор в эту систему вписывался все хуже. Вечно уставший и раздраженный.

Наконец, в прихожей щелкнул замок. Изольда пригладила платиновые пряди волос, выпрямила спину, готовя выверенную фразу о пунктуальности.

Виктор вошел в столовую. Он действительно выглядел уставшим, но... что-то было не так. Привычная хмурая маска на его лице отсутствовала. Он выглядел... спокойнее. Словно с его плеч сняли как минимум часть его невидимого груза.

— Ты опоздал, — ровным голосом констатировала Изольда.

— Прости, дорогая. Задержался, — он прошел к своему месту, и в этот момент она это почувствовала.

Станный запах. Сладкий, теплый, уютный. В нем угадывалась мята и что-то еще, похожее на ваниль или мед. Этот запах был совершенно чужим в ее пахнущем лимонным воском и дорогим парфюмом доме.

— Чем это от тебя пахнет? — спросила она, и в ее голосе прозвучали стальные нотки. — Это не твой одеколон.

Виктор, казалось, только сейчас заметил этот аромат. Он рассеянно принялся к рукаву своего пиджака.

— А, это... — он неопределенно махнул рукой. — Тяжелый день был. Решил пройтись.

— И этот путь завел тебя куда-то, где пахнет булочками? — не отступала она.

Он посмотрел на нее, и в его глазах не было обычной вины или раздражения. Была лишь легкая усталость.

— Да так, заходил в новую кондитерскую. На той улочке, за рынком. Забавное местечко. «Забавное местечко».

Слова повисли в воздухе. Кондитерская? Та самая, с кричаще-розовым фасадом, которая портила весь архитектурный ансамбль старого города? Виктор, ее муж, мэр, был *там*?

Изольда промолчала и лишь изящным жестом взяла салфетку.

Глава 9. Брауни для внутреннего критика

Прошла неделя. Неделя, в течение которой Алекс демонстративно игнорировал переулок, где поселилось розовое чудовище. Он давился пережженным «Эликсиром Бодрости» из офисного автомата и клял себя за то, что вообще думает о новой кондитерской.

Этот эликсир, по сути, был просто горячей черной жижой с привкусом жженого пластика и магической искрой, которая заставляла веки дергаться, но ясности ума не прибавляла. Это было наказание, которое он сам себе выбрал. Гораздо проще было признать, что весь мир — серая, унылая рутина, где все подчиняется логике и коду, чем допустить мысль, что в двух шагах от его офиса, в дурацком розовом домике, действительно... работает магия.

Но пакетик с улыбающейся тучкой так и лежал в ящичке его стола. И решенная проблема в коде работала безупречно.

В пятницу, после особенно изматывающего спора с Эдуардом о «преимуществах самоорганизующихся архивов», Алекс сдался. Его внутренний скептик отчаянно вопил, что это глупость, но жажда хорошего кофе оказалась сильнее. «Только кофе, — твердил он себе, сворачивая в знакомый переулок. — Никаких волшебных кексов».

Колокольчик над дверью звякнул так же весело, как и в прошлый раз. За прилавком стояла все та же девушка и оживленно болтала с почтальоном.

— ...а потом левитирующая сумка просто зависла над фонтаном! Представляешь, Алина? Еле уговорил ее спуститься! — сокрушался почтальон.

— Иван, вам просто нужен был правильный подход! — смеялась она. — В следующий раз попробуйте спеть ей хвалебную оду. Техника любит ласку!

Она заметила Алекса и ее улыбка стала еще шире.

— О, смотрите-ка, кто вернулся! Концентрация закончилась?

Алекс подошел к прилавку, стараясь сохранять максимально невозмутимый вид.

Внутри пахло иначе, чем в прошлый раз. К аромату ванили и лимонной цедры примешалась густая нота шоколада и что-то ореховое.

— Мне просто нужен нормальный кофе, — буркнул он. — А ваше заведение, как ни прискорбно, единственное в этом районе, где его, кажется, умеют варить.

— Принимаю это как комплимент! — ничуть не обиделась она. — Вам как в прошлый раз, черный, как ночь в безлунную погоду?

— Можно просто американо? Без поэтических метафор.

— Как скажете, — она с легкостью принялась за работу. — А может, рискнете попробовать что-то к нему? У нас сегодня совершенно потрясающий «Брауни для внутреннего критика».

Алекс недоверчиво приподнял бровь.

— И что же он делает? Заставляет внутреннего критика заткнуться?

— Ну что вы! — всплеснула она руками. — Это было бы насилием над личностью! Он просто дает ему такое вкусное и увлекательное занятие — анализировать каждую нотку темного шоколада, — что у него не остается времени на всякую ерунду.

Он хотел отказаться, но поймал себя на том, что с интересом разглядывает темно-шоколадный квадратик, посыпанный морской солью. Это выглядело чертовски аппетитно.

— Ладно, — выдохнул он. — Убедили. Давайте вашего... отвлекающего брауни.

Этот визит стал первым из многих. Алекс сам не заметил, как походы в «Сладкую Фантазию» превратились в ежедневный ритуал. Сначала он заходил только по пятницам, потом — по средам и пятницам, оправдывая это «пиковыми нагрузками». А потом обнаружил, что его ноги сами несут его к розовой двери каждое утро, прежде чем повернуть к серому офисному зданию.

Он приходил, хмурый и саркастичный, и их диалоги с Алиной превращались в маленькие словесные дуэли.

— Добрый день нашему самому серьезному клиенту! — встречала она его. — Вам как обычно, порцию черного сарказма... то есть, кофе?

— Остроумно, — парировал он. — А что вы сегодня предлагаете в качестве плацебо? «Пирожное от вселенской скорби»?

— Почти! «Песочное печенье для терпения». Очень помогает, когда ждешь, пока скомпилируется проект. Проверено!

Он неизменно фыркал, но всегда покупал то, что она предлагала. И каждый раз, возвращаясь на свое серое рабочее место, он чувствовал, как напряжение немного отступает. Он говорил себе, что дело исключительно в качественном кофеине и сахаре. Что в Чароделе просто больше негде выпить приличный кофе. И уж точно его совершенно не интересовала эта невозможная девушка с ее дурацкими названиями и улыбкой, от которой где-то внутри становилось теплее.

Но однажды, отойдя от кондитерской на пару кварталов, он поймал себя на том, что улыбается ее последней шутке. Алекс тут же стер улыбку с лица. Это становилось опасно. Он ходит туда только за кофе. Определенно. Только за кофе. И, может быть, за брауни.

Глава 10. Лаборатория счастья

День в «Сладкой Фантазии» редко бывал похож на предыдущий. Он был живым организмом, который дышал ароматами выпечки и менял свое настроение вместе с гостями.

Утро началось с творческого кризиса. Алина стояла перед противнем свежих, идеально румяных овсяных печений и хмурилась.

— Так, Борис, мне нужна твоя помощь, — серьезно сказала она, обращаясь к своему арт-директору, который дремал у ее ног. — Печенье. Овсяное. С изюмом и орехами. Очень полезное. Какое у него может быть название?

Борис приоткрыл один глаз.

— «Хрустящая Скука»? — проворчал он. — Или «Очередная Попытка Сделать Полезное Вкусным»?

— Ты совсем не помогаешь! — вздохнула Алина. — Должно быть что-то... вдохновляющее!

В этот момент дверной колокольчик звякнул. Алина наспех вытерла руки и поспешила из кухни в основной зал. Там стоял Алекс в неизменном темном пальто, накинутом поверх свитера, и протирал очки от капель дождя. Он уже не выглядел как человек, случайно забредший во вражеский лагерь. Алина привыкла к его утренним визитам, поэтому мысленно записала Алекса в постоянные клиенты.

— Мне, как обычно, порцию черного сарказма, — сказал он, подходя к прилавку. — И что-нибудь, что поможет пережить совещание с Эдуардом. Он вчера придумал «мотивирующие руны», которые должны светиться, когда мы хорошо работаем. Теперь весь отдел сидит в полумраке.

— О! — глаза Алины загорелись. — Тогда вам нужно вот это!

Она метнулась на кухню и схватила щипцами одно из новых печений.

— Это «Овсяное печенье для терпения»! — торжественно объявила она, вернувшись.

Алекс скептически посмотрел на печенье.

— И какой у него «активатор»? Спеть гимн компании?

— Нет! — рассмеялась Алина. — Его нужно есть очень медленно. Откусывать по крошечке. Пока доешь, совещание как раз закончится.

Алекс фыркнул, но печенье взял. Поскольку до начала рабочего дня еще оставалось время, он сел за свой любимый столик у окна, открыл ноутбук и сделал вид, что его очень заинтересовал пустой экран. Алина поставила на стол чашечку свежесваренного кофе и вернулась к делам.

Вот в кондитерскую зашла молодая мама с плачущим ребенком.

— Он боится идти к магическому дантисту! — в отчаянии пожаловалась она. — Никакие уговоры не помогают!

Алина тут же наклонилась к малышу.

— К дантисту? Это же самое интересное приключение! Знаешь, что у него есть? Волшебное зеркальце, которое показывает, как твои зубки станут сильными, как у дракона! А еще... — она понизила голос до заговорщицкого шепота, — у меня есть специальный «Леденец Храбрости». Его нужно съесть прямо перед входом в кабинет. Он активирует твою внутреннюю суперсилу, и ты ничего не будешь бояться!

Мальчик, шмыгнув носом, с недоверием посмотрел на протянутый ему ярко-красный леденец на палочке.

— А он вкусный?

— Самый вкусный в мире! — заверила Алина.

Через пять минут они ушли. Мальчик сжимал в кулачке свой леденец уже не со страхом, а с предвкушением.

Алекс наблюдал за развернувшейся сценой и качал головой. А Алину только веселил его скептицизм.

Позже зашел почтальон Иван.

— Алина, спасай! Моя левитирующая сумка опять хандрит! Не хочет подниматься выше колена!

— А вы пробовали ее меньше нагружать? — серьезно спросила Алина.

— Кого?! Сумку?! — опешил Иван.

— Конечно! Техника тоже умеет уставать. К ней нужно относиться с заботой и вниманием. А чтобы закрепить эффект, вот вам «Пряник-Подъемник». Для бодрости духа. Вашего и ее.

Иван, бормоча под нос что-то про «сумасшедшую девчонку», все же взял пряник и ушел, а Алина принялась протирать и без того чистую стойку.

— Кажется, твой кофе остыл, — как бы невзначай бросила она.

Алекс дернулся, посмотрел на нетронутую чашку с кофе, а затем на свои часы.

— Проклятье, — он подскочил со стула и засобиравшись на выход. — Опаздываю.

— Удачного дня! И заглядывай к нам вечером, — помахала ему вслед Алина, почему-то уверенная, что он не придет.

Но Алекс ее удивил. Вечером, когда поток посетителей схлынул, колокольчик оповестил о новом госте, которым оказался ни кто иной, как хмурый и уставший программист.

— Неужели вернулись за добавкой сарказма? — с улыбкой спросила Алина.

— Вернулся с отчетом, — сказал он, подходя к прилавку. Он выглядел серьезным, но в уголках его глаз прятались смешинки. — Я провел полевые испытания вашего продукта.

— И каковы результаты? — с интересом спросила Алина, опершись о прилавок.

— Как ни странно, оно... сработало, — сказал он с такой неохотой, будто признавался в государственной измене. — Советование показалось не таким уж и бесконечным.

— Я же говорила! — просияла Алина.

— Хотя, — тут же добавил он, возвращая свою маску циника, — возможно, дело в том, что я был так сосредоточен на том, чтобы откусывать по крошечке, что пропустил половину гениальных идей Эдуарда. Так что побочный эффект — временное отупение. Вам стоит писать это на упаковке.

Алина рассмеялась.

— Принято к сведению. Кофе?

— Да. И, пожалуй, еще одно такое печенье. На завтра. Нужно быть во всеоружии.

Он остался у прилавка, пока она готовила кофе, и они молчали, но эта тишина оказалась на удивление уютной. Она была наполнена их общим маленьким секретом — тем, что даже самый закоренелый скептик в этом городе понемногу начинал верить в ее магию.

Глава 11. Две бури в чашке чая

Тихий час после обеда был любимым временем Алины. Утренний кофейный ажиотаж спадал, школьники еще сидели на уроках, и можно было спокойно расставить свежую выпечку или придумать новое название для бисквита. Сегодня она как раз выкладывала на витрину ряд имбирных человечков, когда колокольчик над дверью издал резкий звон.

В кондитерскую вошла пожилая дама. Прямая, как трость, которую она сжимала в руке. Ее седые волосы были уложены в такую неприступную прическу, что казались высеченными из камня, а губы — поджаты в тонкую линию неодобрения. Она окинула взглядом персиковые стены и бумажные фонарики так, словно они лично ее оскорбили.

— Добрый день, — лучезарно улыбнулась Алина.

— И вам не хворать, — отрезала старушка, чеканя каждый слог. Ее взгляд остановился на Борисе. — В приличном заведении держат кошек. Или, на худой конец, магических фамильяров. Но никак не... *это*.

Борис, до этого мирно дремавший, приоткрыл один глаз и обиженно хрюкнул.

— Это Борис, — мягко пояснила Алина. — Он душа нашего магазинчика.

— Душа с пяточком, — проворчала гостья, но все же подошла к прилавку. — Вся эта ваша новомодная ерунда... от нее только голова болит. Дайте мне что-нибудь от ворчания.

Она произнесла последнюю фразу с таким вызовом, будто была уверена, что ничего подобного у Алины нет. Но Алина лишь хитро улыбнулась.

— Как раз для такого случая у меня есть особый травяной сбор. Называется «Тихий вечер». Он помогает, когда мир вокруг кажется слишком шумным и неправильным.

Она быстро насыпала в пакетик смесь из мяты, ромашки и липового цвета. Старушка подозрительно обнюхала пакет, сунула его в ридикюль, коротко бросила на прилавок несколько монет и, не попрощавшись, удалилась. Дверь за ней закрылась с такой силой, что колокольчик испуганно подпрыгнул.

Не прошло и пяти минут, как он зазвенел снова, на этот раз — яростно и настойчиво.

На пороге стояла другая пожилая дама. Если первая была похожа на строгую крепость, то вторая напоминала боевой крейсер. Яркая шаль, массивные браслеты на запястьях и взгляд, способный испепелить.

— Что за запах! — громогласно заявила она с порога, обмахиваясь рукой. — Приторно, аж зубы сводит! Как здесь вообще можно дышать?

Она промаршировала к прилавку, сверля Алину взглядом.

— Надеюсь, у вас найдется что-то приличное? Не эти ваши разноцветные глупости. Что-нибудь, чтобы успокоить нервы.

Алина, скрывая улыбку, достала ту же самую банку с травяным сбором.

— Попробуйте наш фирменный чай «Тихий вечер», — предложила она тем же спокойным голосом. — Он помогает, когда мир вокруг кажется слишком шумным и неправильным.

Вторая старушка, как и первая, с недоверием принялась к пакетику, но все же его взяла. Расплатившись, она развернулась и вышла, хлопнув дверью с не меньшей силой.

В кондитерской снова воцарилась тишина, нарушаемая лишь тиканьем часов. Алина задумчиво смотрела на дверь. Две разные женщины, такие непохожие внешне, но с одинаковой бурей внутри. И обе пришли к ней с одной и той же невысказанной просьбой — найти островок покоя.

— Хозяйка, — лениво протянул Борис, устранив голову на лапах. — Ты уверена, что это были две разные старушки, а не одна, которая просто переделалась за углом? Уж больно одинаково они фыркали.

Алина рассмеялась.

— Уверена, Боря. Но мне почему-то кажется, что корень у их недовольства один и тот же. Она чувствовала, что это начало очень длинной и запутанной истории. И ей было ужасно интересно, какой же финал будет ждать их в конце.

Глава 12. Пыль на старых фотографиях

Дом Аглаи Петровны был ее крепостью. Царство безупречного порядка и оглушительной тишины. Часы на стене тикали с такой размеренной точностью, словно отсчитывали не минуты, а вечность. Единственным живым существом, с кем она разговаривала в течение дня, был старый фикус в углу по имени Иннокентий.

— Ну что, Иннокентий, опять лист собрался ронять? — проворчала она, поливая его из допотопной лейки. — Никакой дисциплины.

День тянулся, как густой кисель. Утром она вела войну с пылью, в обед — с сорняками в саду. Все было на своих местах, все было предсказуемо.

Размеренное течение дня прервал оглушительный, почти военный клич.

— **ВАМЪ ПИСЬМО! ОТЪ ГИЛЬДИИ САДОВОДОВЪ!**

Аглая Петровна вздрогнула и сердито посмотрела на магический почтовый ящик, прибитый к калитке. Артефакт был старый, с дурным характером и голосом городского глашатая.

— Да слышу я, не глухая! — крикнула она в окно. — Орешь так, будто сам король мне депешу прислал!

Она вышла, забрала из ящика пергамент с анонсом выставки хризантем и вернулась в дом. Тишина снова обрушилась на нее, став еще более плотной после короткого крика. Именно в такие моменты одиночество ощущалось острее всего.

После обеда с потолка в гостиной начала капать вода. Лениво, с долгими паузами, но методично.

— Ну вот, — вздохнула Аглая. — И ты туда же.

Она поднялась на чердак, чтобы найти старое ведро. Чердак пах пылью, временем и нафталином. Здесь, под толстым слоем забвения, хранилась вся ее прошлая жизнь. Она нашла ведро в углу, но, потянувшись за ним, ее рука случайно задела старую картонную коробку. Коробка из-под туфель «Столичный Шикъ», которые она носила на свой выпускной.

Любопытство, чувство, которое она давно считала атрофированным, шевельнулось внутри. Она поставила ведро, сдула с коробки слой пыли и открыла ее. Внутри лежали пожелтевшие фотографии.

И на самом верху была она.

Выцветший снимок, сделанный больше пятидесяти лет назад. Две смеющиеся девчонки лет семнадцати, в легких сарафанах в горошек, со смешными косичками. Они обнимали друг друга так крепко, словно хотели стать одним целым. Солнце светило им в лица, и они щурились от счастья. Аглаша и Фрося.

Ностальгия не пришла. Вместо нее по венам медленно пополз холодный яд. Пальцы Аглаи добела сжали уголок фотографии. Улыбки на снимке вдруг показались ей фальшивыми, издевательскими.

— Лгуня, — прошептала она в пыльную тишину.

Она помнила тот день. Лето перед выпускным. Они клялись друг другу в вечной дружбе. А через неделю... через неделю она увидела их. За старой лодочной станцией. Фросю и Гришку Сомова, долговязого веснушчатого парня, в которого она, Аглая, была тайно и безнадежно влюблена. Фрося это знала и все равно стояла там и целовала его, смеясь ему в губы. Аглая помнила, как в тот момент земля ушла у нее из-под ног.

Змея подколотная. Предательница.

Ярость вспыхнула так же ярко, как и пятьдесят лет назад. Ярость на Фроську. На ее громкий смех, на ее яркие платки, на ее самоуверенность. А потом, как это всегда бывало, ярость обернулась против нее самой.

«Какая же ты дура, Аглая, — прошипел ее внутренний голос. — Пятьдесят лет прошло. Гришки этого уже и на свете нет. А ты все сидишь в своей пыли и пережевываешь эту старую обиду, как корова жвачку. Все давно живут дальше. Одна ты застряла».

Она почувствовала, как к горлу подступает горький комок. Одиночество вдруг стало почти осязаемым. Оно было в этой пыли, в этом тусклом свете из чердачного окна, в этой выцветшей фотографии двух девочек, которые так и не смогли стать взрослыми подругами.

Она с силой захлопнула коробку и задвинула ее подальше, в самый темный угол.

Спустившись вниз, она поставила ведро под капаящую воду. Кап. Кап. Кап. Звук отдавался в ее пустом доме, как удары метронома.

Аглая Петровна прошла на кухню. Ее руки сами потянулись к полке, где стоял бумажный пакетик из той новой, дурацкой кондитерской. «Тихий вечер». Она заварила чай. Аромат мяты и ромашки заполнил кухню, немного вытеснив запах старых обид.

Она села за стол, держа в руках теплую чашку. Чай был вкусным. Он успокаивал, но был недостаточно крепким, чтобы смыть с души привкус горечи, который преследовал ее уже полвека.

Глава 13. Инспекция с привкусом презрения

Слово «забавное» преследовало Изольду Арнольдовну уже третий день. Оно впилося в ее мысли, как репейник в кашемировое пальто. Забавное. Какое простонародное, какое легкомысленное слово. Ее муж, мэр города, Виктор, находит что-то «забавным». И это «что-то» — кондитерская с фасадом вырвиглазного цвета, из-за которой от ее мужа теперь несет ванилью и подозрительным спокойствием.

Так не пойдет. Порядок в городе начинался с порядка в ее собственном доме. А раз источник беспокойства находился вне его стен, следовало провести рекогносцировку. Разумеется, не из праздного любопытства. Это была ее обязанность как первой леди Чародола — следить за поддержанием стандартов.

Надев строгое серое платье, безупречные туфли на невысоком каблуке и выражение лица, с которым обычно сообщали самые трагичные новости, Изольда вышла из дома. Она не пользовалась магическим экипажем, а пошла пешком. Ей нужно было прочувствовать маршрут, увидеть своими глазами ту среду, в которую окунулся ее муж.

Переулок встретил ее запахом сырости и прелых листьев. И посреди этой унылой осенней палитры горел, словно ядовитый гриб, этот... магазинчик. «Сладкая Фантазия». Изольда поморщилась. Какая безвкусица.

Изольда толкнула дверь, и ее тут же окутал удушливый кокон из запахов сахара, ванили и чего-то еще, навязчиво-фруктового. Внутри все было еще хуже, чем она представляла. Персиковые стены, нелепые бумажные фонарики, какая-то сушеная трава в горшках. Хаос, возведенный в абсолют.

За прилавком стояла молодая девушка. Слишком блондинистая, слишком румяная, со смешным пучком на голове и в кардигане такого яркого оранжевого цвета, что его следовало бы запретить законодательно.

— Добрый день! — просияла девушка, и ее улыбка показалась Изольде непрофессиональной.

Изольда проигнорировала приветствие, начав методичный осмотр помещения. Взгляд ее скользил по полкам, по витрине, по полу. Она оценивала все: чистоту стекол, отсутствие пыли, товарное соседство. И тут ее взгляд наткнулся на нее.

На клетчатом коврике у прилавка, лениво почесывая ухо задней ногой, лежала свинья. Живая розовая свинья.

— О, смотрите, инспекция, — пробурчало существо с отчетливым хрюканьем. — Сейчас штраф выпишет за излишний оптимизм.

Изольда застыла. Кровь отхлынула от ее лица. Она медленно перевела взгляд на улыбающуюся хозяйку.

— Что. Это. Такое? — ледяным тоном произнесла она.

— Ой, это Борис! — беззаботно ответила девушка. — Он наш талисман. И главный дегустатор. Очень строгий критик!

— Вы хотите сказать, — Изольда говорила медленно, разделяя слова, — что в заведении общественного питания, где производятся и продаются продукты, находится... сельскохозяйственное животное?

Слово «антисанитария» засияло в ее мозгу, как неоновая вывеска. Это было даже лучше, чем она могла себе представить.

— Ну что вы, Борис очень чистоплотный! — засмеялась девушка, не уловив угрозы в ее голосе. — Он даже копытца вытирает, когда с улицы приходит!

Изольда пропустила эту реплику мимо ушей. Она перевела взгляд на витрину. «Кекс Анти-Ворчун», «Брауни для внутреннего критика». Какая инфантильная чушь.

— Позвольте узнать, — ее голос сочился ядом, который она даже не пыталась скрыть. — Ваша продукция прошла магическую или хотя бы обычную санитарную сертификацию? У вас есть соответствующие документы?

— Ой, с документами у меня все в порядке! — радостно отрапортовала блондинка. — У меня даже есть справка от ветеринара, что Борис абсолютно здоров!

Она явно не понимала сути претензий. Изольда почувствовала прилив сил. Противник был не просто слаб — он был невежественен.

Она сделала еще один круг по залу, заглянув в каждый угол. Больше явных нарушений не было, но первого было более чем достаточно. Образ свиньи, лежащей в метре от витрины с пирожными, прочно засел в ее голове. Это будет ее главным козырем.

— Благодарю за уделенное время, — сухо бросила Изольда, разворачиваясь к выходу. Она не собиралась ничего покупать. Само присутствие здесь уже было жертвой.

— Заходите еще! — крикнула ей в спину девушка.

Изольда не обернулась. Выйдя на свежий, промозглый воздух, она сделала глубокий вдох, очищая легкие от приторной сладости. В ее голове уже не было хаоса. Там родился план. Четкий, холодный и безупречный. Начинать нужно было не с громких скандалов, а с тихих разговоров в нужных кабинетах. Например, в кабинете главы городской санитарной службы, господина Заславского, чью племянницу она в прошлом году устроила в престижную магическую гимназию. Да, именно с этого она и начнет. Это «забавное местечко» просуществует недолго. Она лично об этом позаботится.

Глава 14. Руководство по воспитанию драконов

Утро в доме Андрея начиналось не с пения птиц, а с объявления войны. Войны тихой, пассивно-агрессивной и абсолютно изматывающей. Первым выстрелом, как всегда, была закрытая дверь в комнату Киры.

Андрей стоял на кухне, глядя на эту дверь, как на вражескую цитадель. Оттуда уже доносились первые аккорды чего-то душераздирающего, что, по мнению Киры, называлось музыкой, а по его — «прощальная песнь умирающего тролля».

— Так, ладно, — сказал он сам себе. — Начнем с малого. Завтрак. Мирное предложение.

Он достал из холодильника яйца. Его главным союзником и одновременно главным врагом в этом деле была «Сковорода-Ворчунья». Старый капризный артефакт, доставшийся ему от бабушки. Она умела готовить идеальный омлет, но только если у нее было хорошее настроение.

Андрей поставил ее на плиту. Руны на ее ручке недовольно мигнули красным.

— Доброе утро, моя красавица, — заискивающе пробормотал Андрей. — Ты сегодня просто сияешь!

Сковорода издала скептическое шипение. Он разбил яйца.

— Уверен, у нас получится самый восхитительный омлет во всем Чароделе!

Он вылил яичную смесь на сковороду. Та в ответ издала звук, похожий на стон, и руны вспыхнули особенно ярко. Через тридцать секунд по кухне поплыл отчетливый запах гари.

— Да что опять не так?! — не выдержал Андрей.

Из-под стола на него посмотрели два зеленых глаза. Кот Мурзик, единственный, кто был доволен таким исходом, облизнулся.

Андрей сгреб почерневший блин в мусорное ведро и сдался. Тосты. Тосты испортить было сложнее.

Так он и поступил.

С двумя тарелками с тостами Андрей подошел к вражеской цитадели. Музыка гремела так, что вибрировала дверь. Он постучал.

— Кира! Завтрак!

Музыка стала чуть тише.

— Я питаюсь скорбью этого брэнного мира! — донесся из-за двери ее трагический голос.

— Отлично! — бодро ответил Андрей. — А к скорби подают тосты с джемом! Открывай!

Дверь приоткрылась на ширину цепочки. На него посмотрел один густо подведенный черным глаз.

— Я не голодна.

— Кира, тебе нужно поесть. И не забудь, у тебя сегодня дополнительное занятие по рунологии.

— Руны предсказали мое вечное страдание и, возможно, двойку, — отрезала она. — Я не пойду.

— Пойдешь! Мы это уже обсуждали!

— Ты ничего не понимаешь! — дверь захлопнулась, и музыка снова ударила по ушам с удвоенной силой.

Андрей остался стоять в коридоре с двумя остывающими тостами. Беспомощность. Вот что он чувствовал. Липкое чувство, что он абсолютно не справляется. Он мог починить сломанный левитационный стул, мог настроить капризный магический котел, но он не мог достучаться до собственной дочери.

В отчаянии он пошел к книжной полке. Там, между «Справочником по бытовым чарам» и «Историей магических войн», стояло его тайное оружие. Тонкая брошюра в кричаще-яркой

обложке, которую он купил на прошлой неделе в магической лавке. На обложке улыбающийся волшебник обнимал рычащего фиолетового дракончика. Название гласило: «Как понять своего подростка-дракона». Автор: Магистр Фрейдус.

Он открыл ее на заложенной странице. Глава 5: «Эмпатический резонанс: как услышать то, о чем молчит ваш дракон».

— Так, — пробормотал он, читая инструкцию. — «Возьмите волос объекта...» — он посмотрел на плотно закрытую дверь. — «...каплю слезы (можно заменить родниковой водой)...» — водопроводная сойдет. — «...и, глядя на объект, произнесите заклинание, концентрируясь на желании понять его истинные чувства».

Добыть волос было миссией невыполнимой. Но вчера, убирая в ванной, он нашел один, короткий и черный, на ее расческе. Он достал его из кармана. Накапал воды из-под крана в ладонь. Встал напротив двери, закрыл глаза.

— *Cor ad cor loquitur*, — неуклюже пробормотал он, чувствуя себя полным идиотом. — *Audi quod non dicitur*. Сердце говорит с сердцем, услышь то, что не сказано.

Он почувствовал легкое покалывание в висках и напрягся, пытаясь уловить хоть что-то из-за двери, кроме грохота музыки. Ничего. Заклинание не сработало. Провалилось, как и его омлет.

Андрей открыл глаза. В коридор, потягиваясь, вышел Мурзик. Он потерся о его ногу и громко мяукнул.

...Рыба...

Андрей вздрогнул. Что это было?

Кот снова мяукнул, глядя на него снизу вверх.

...Хозяин странный. Стоит. Лучше бы дал рыбов...

Андрей замер. Он не верил своим ушам. Вернее, мыслям. Он медленно опустился на корточки. Кот посмотрел на него.

...О. Опустился. Сейчас будет гладить. Надеюсь. А потом даст рыбов...

Заклинание сработало. Но оно зацепилось не за Киру за толстой дверью, а за ближайшее живое существо — за кота!

...Погладь меня. Нет, не там. Левее. За ухом. О, да-а-а. Хорошо. А теперь — рыбов...

Андрей смотрел в наглые зеленые глаза Мурзика, слушая этот бесконечный одноклеточный поток мыслей о еде и ласке, и ему стало смешно. Смешно и грустно одновременно. Он потерпел полное фиаско.

Действие заклинания закончилось так же внезапно, как и началось. В голове снова воцарилась тишина, нарушаемая лишь обычным кошачьим «мяу».

Он встал. Посмотрел на бардак на кухне, на непробиваемую дверь в комнату дочери, на кота, который постоянно требовал еды, и почувствовал, как усталость наваливается на него свинцовым одеялом.

Андрей не мог больше здесь находиться.

— Все, Кира! — крикнул он, перекрывая музыку. — Собирайся! Мы уходим!

— Куда?! — донеслось из-за двери.

— Пить кофе! — рявкнул он. — Мне срочно нужен кофе. Где-нибудь, где тихо. И где нет котов, думающих о рыбе.

Это было начало их самой громкой ссоры. Ссоры, которая выплеснется на улицы и, по воле судьбы, приведет их на порог единственного места в городе, где им смогут помочь. Но в тот момент Андрей об этом еще не знал. Он просто хотел кофе.

Глава 15. Остывающее какао

После ухода Изольды Арнольдovны в воздухе еще долго витал невидимый холодок. Кондитерская, обычно пахнувшая ванилью и карамелью, теперь хранила резкий запах мороза, словно духи Изольды были сделаны из гнева. Даже уютные фонарики под потолком, казалось, светили чуть тусклее.

Алина даже открыла дверь, чтобы впустить в кондитерскую немного свежего осеннего воздуха и прогнать остатки ледяного напряжения. Борис, оскорбленный до глубины души эпитетом «сельскохозяйственное животное», демонстративно отвернулся к стене и делал вид, что спит.

Тишину, которая медленно возвращалась в кондитерскую, разорвал яростный звон колокольчика. Он забился так, словно в него попала молния. Дверь распахнулась, и в магазинчик буквально ввалились два человека, окутанные аурой ссоры.

Первым был мужчина лет под сорок, с взъерошенными волосами и отчаянием в глазах. За ним, словно тень, следовала девушка-подросток. Она была с ног до головы одета в черное: тяжелые ботинки, рваные джинсы, балахон с изображением черепа. На запястьях у нее было столько кожаных браслетов и металлических цепей, что они тихо звенели при каждом ее гневном жесте. Ее лицо было бледным под слоем белой пудры, а глаза густо обведены черным карандашом, что делало ее похожей на рассерженную панду.

— Я просто не понимаю, что я делаю не так! — воскликнул мужчина, всплеснув руками. Он, казалось, обращался не к дочери, а ко всему миру. — Я работаю на двух работах, чтобы у тебя все было!

— Мне не нужны твое «все»! — отрезала девушка, и ее голос прозвенел, как разбитое стекло. — Я просто хочу, чтобы ты меня не трогал!

— Не трогал?! Кира, ты моя дочь! Я не могу тебя «не трогать»! Твоя учительница по рунологии вчера прислала мне магическую весточку! Снова прогул!

— Эта рунология — бред для тупых магов! Мне это неинтересно!

— А что тебе интересно?! Ходить в этом... траурном наряде и слушать свою ужасную музыку, от которой дохнут комнатные растения?!

— Это не траурный наряд, это стиль! И музыка у меня отличная! Ты просто ничего не понимаешь!

Они стояли посреди кондитерской, не замечая ни Алины, ни витрины с пирожными, ни даже укоризненно хрюкнувшего Бориса. Они были в своем собственном мире, полном боли и непонимания.

Алина поняла, что спорить с ними или пытаться их урезонить — бесполезно. Нужно было действовать иначе. Она взяла две самые большие кружки, какие у нее были, и громко поставила их на прилавок. Звук керамики о дерево заставил обоих спорщиков на мгновение замолчать и обернуться.

— Так, — решительно сказала Алина, глядя то на отца, то на дочь. — Объявляю перемирие. На пятнадцать минут. У меня есть специальное средство для таких случаев.

Она достала большую банку с какао-порошком, пахнущим шоколадом и орехами.

— Это «Остывающее какао», — пояснила она, насыпая порошок в кружки. — Оно обладает уникальным свойством: его невозможно пить, пока вы кричите друг на друга. Правила простые: вы садитесь в разные концы зала и молча пьете. Слова можно будет сказать потом, когда кружки опустеют.

Отец, Андрей, как прочла Алина на бейджике его рабочей куртки, выглядел ошеломленным. Кира смерила ее презрительным взглядом, но любопытство, кажется, взяло верх.

Алина залила какао горячим молоком, сверху бросила по горсти крошечных зефирок и протянула кружки.

— Вы — за столик у окна, — скомандовала она Андрею. — А вы, юная леди, — сюда, на стул у прилавка.

К ее удивлению, они подчинились. Андрей устало опустился на стул, а Кира, стараясь сохранить бунтарский вид, устроилась у стойки, отвернувшись от отца.

В магазинчике воцарилась тишина, нарушаемая лишь осторожными глотками. Алина делала вид, что занята пересчетом сахарных жемчужин, но краем глаза наблюдала.

Вот Андрей сделал первый глоток, и напряженные плечи его немного опустились. Его взгляд, до этого мечущийся по кондитерской, наконец сфокусировался на плывущих в кружке зефирках. Он выглядел так, словно не спал несколько суток. Вот Кира, с преувеличенной досадой дуя на пенку, поднесла кружку к губам. Ее воинственно сжатый рот чуть смягчился. Она нехотя сделала еще один глоток, и ее плечи, задранные до ушей, медленно, по миллиметру, поползли вниз.

Сладкий теплый напиток делал свое дело. Он не решал их проблем, но он заставлял их остановиться. Сделать паузу. Выдохнуть. Когда они допили, ссора уже выдохлась, оставив после себя лишь горький осадок неловкости.

Андрей поднялся первым. Он подошел к прилавку, чтобы расплатиться.

— Спасибо, — тихо сказал он, не глядя на Алину. — Простите за... сцену.

Кира тоже встала и, не говоря ни слова, направилась к выходу, но у самой двери она на мгновение обернулась и бросила на Алину быстрый, почти неуловимый взгляд. В нем не было благодарности, но и прежняя враждебность испарилась.

Когда за ними закрылась дверь, Борис наконец поднялся.

— Ну вот, — прохрюкал он, подходя к Алине и требуя свою порцию ласки. — Теперь ты еще и семейный психолог. Хозяйка, тебе нужно брать с них тройную плату: за какао, за моральный ущерб и за аренду поля боя.

Алина рассмеялась и почесала его за ухом. В этот момент колокольчик над дверью звякнул снова, на этот раз тихо и мелодично. На пороге стояла Марья Петровна из библиотеки, держа под мышкой толстую книгу.

— Алиночка, милая, я только на минутку, — прошептала она, оглядываясь, словно шпион. — Забыла сегодня утром взять «Леденцы для тишины». Подростки совсем распоясались.

Но внимание Алины тут же переключилось. Из большой плетеной корзинки, которую Марья Петровна держала в руке, высунулась любопытная розовая мордочка с крошечными черными глазками-бусинками. Это была очаровательная мини-пиг девочка, с бантиком, нелепо привязанным к одному ушку.

— Ой, а это кто у вас? — умилилась Алина.

— А это моя Цветлана, Цветик, — с гордостью сказала Марья Петровна. — Нашла ее совсем крохой, кто-то выбросил. Теперь вот со мной живет. Она очень тихая, не то что некоторые...

В этот момент Борис, который до этого с презрением смотрел на всех посетителей, замер. Он увидел ее. Его уши встали торчком, а хвост-крючок, обычно висевший неподвижно, робко вильнул один раз. Он издал звук, которого Алина никогда раньше не слышала — не ворчание и не хрюканье, а что-то похожее на удивленный вздох.

Цветлана, заметив его, кокетливо хрюкнула и тут же спряталась обратно в корзинку.

Борис, будто во сне, сделал шаг по направлению к библиотекарше, но та уже расплатилась и, помахав Алине, вышла.

Борис остался стоять посреди кондитерской, глядя на закрывшуюся дверь с совершенно глупым и ошарашенным выражением на пяточке.

— Так, — наконец произнес он, приходя в себя и пытаясь сделать вид, что ничего не произошло. — Чего стоим? Пора работать! Пойду проверю запасы печенья. На всякий случай.

И он, стараясь сохранять невозмутимый вид, удалился под прилавок, хотя Алина заметила, что он еще несколько раз украдкой бросил взгляд на дверь.

Глава 16. Пирожное «Нежный вечер»

Виктор сидел в своем кабинете, глядя на стопку пергаментов, которые, кажется, размножались почкованием. Сегодняшним апофеозом абсурда стал «Умный калькулятор», который после магического сбоя начал выдавать все финансовые расчеты в виде скорбных хокку.

Бюджет на дороги.
Снова дыры в полотне.
Осень плачет.

Он с силой потер виски. Раньше он бы просто разозлился. Но после того визита в кондитерскую, после той чашки простого, настоящего чая, что-то изменилось. Он обнаружил, что в городе есть место, где можно выдохнуть. И теперь, когда давление становилось невыносимым, его ноги сами несли его в тот самый переулок.

Он вошел в «Сладкую Фантазию» как в тихую гавань. Аромат выпечки окутал его, смывая запах пыльных бумаг и едких чернил. Алина, хозяйка, протирала банки и, увидев его, улыбнулась так, словно только его и ждала.

— Господин мэр! — весело поприветствовала она. — У вас сегодня вид человека, который пытался договориться с горгульей.

— Хуже, — вздохнул Виктор, опускаясь на уже привычный стул у дальнего столика. — С калькулятором-поэтом. Мне, пожалуйста, вашего чая. Двойную порцию.

— Одну минуту! — она засуетилась у чайника.

— Опять пришел, — донеслось ворчание от входа. Говорящая свинья, Борис, окинула его тяжелым взглядом. — Сейчас опять будет жаловаться на тяжелую долю власти. Будто у нас тут клуб анонимных чиновников.

Виктор был слишком уставшим, чтобы спорить с поросенком. Он дождался, пока Алина поставит перед ним дымящуюся чашку «Чая для душевного равновесия», и сделал большой глоток. Тепло разлилось по телу.

— Дело не только в работе, — неожиданно для самого себя сказал он. — Изольда опять недовольна.

Алина присела напротив, вся превратившись во внимание.

— Она приходила сюда, — продолжил Виктор, глядя в чашку. — Разумеется, ничего не сказала, но я знаю этот взгляд. «Инспекция». Она считает ваш магазинчик... безвкусицей. Неправильным. Теперь дома напряжение такое, что можно ножи точить. Что бы я ни делал — все не так. Купил ей новые магические серьги — «слишком вычурно». Предложил пойти в театр — «банально». Я просто... не знаю, чего она хочет.

Он замолчал, удивленный собственной откровенностью. Он, мэр города, жалуется на жену двадцатилетней девушке, торгующей пирожными. Абсурд.

Алина молчала с минуту, задумчиво накручивая на палец прядь волос.

— Господин мэр, — наконец мягко сказала она. — А давно вы дарили ей что-нибудь... просто так? Не потому что праздник или потому что она расстроена. А просто потому, что увидели и подумали: «Это ей понравится».

Виктор задумался. И не смог вспомнить. Все его жесты были реакцией: на ее недовольство, на протокол, на дату в календаре.

— Может быть, — продолжила Алина, словно читая его мысли, — она просто хочет вашего внимания? Не внимания мэра, который решает проблему. А внимания Виктора. Мужчины, который видит в ней свою любимую.

Она поднялась и подошла к витрине. Ее палец указал на одно из пирожных, настоящее произведение искусства. Оно было похоже на маленькое облачко из белого крема, с каплей розового джема в центре и одним-единственным засахаренным лепестком фиалки сверху.

— Вот, — сказала она. — Возьмите ей это. Это пирожное «Нежный вечер».

— И что оно делает? — скептически спросил Виктор. — Гарантирует нежный вечер?

— Оно лишь создает повод, — улыбнулась Алина. — У него есть одно условие. Вы должны отдать его ей, не говоря ни слова о работе, о проблемах, о калькуляторах-поэтах. Просто придите, заварите чай и скажите: «Дорогая, я увидел это и подумал о тебе».

Она аккуратно упаковала пирожное в изящную коробочку и перевязала ее атласной лентой.

Виктор смотрел на коробочку в своих руках. Это было так просто. И так до смешного нелепо.

— Спасибо, Алина, — сказал он, и в его голосе прозвучала нотка надежды, которую он сам от себя не ожидал.

Он вышел из кондитерской, чувствуя себя немного глупо, но одновременно и решительно. В одной руке у него был портфель с городскими проблемами, а в другой — маленькая радость для жены.

Глава 17. Начало оттепели

Вечер в доме Изольды Арнольдовны наступал по расписанию, как и все остальное. В ее доме, где царил идеальный, холодный порядок, даже тени, казалось, ложились на полированный паркет под выверенным углом. Воздух был неподвижен и прохладен, как в запертой шкапулке. Любой беспорядок — будь то случайная крошка или неуместная эмоция — немедленно пресекался.

Самозажигающиеся свечи вспыхнули ровно в половине восьмого, бросая теплые отблески на ледяной блеск серебра. Ужин, как всегда, был безупречен. Изольда сидела за столом, прямая и неподвижная, как статуя. Она обдумывала свой план. Разговор с господином Заславским из санитарной службы прошел успешно. Он был очень... восприимчив к ее доводам. Колесики бюрократической машины медленно, но верно начали вращаться в нужном направлении. Изольда Арнольдовна не испытывала злорадства. Она испытывала удовлетворение от хорошо смазанного механизма. Она не «мстила» этой выскочке с ее розовой дверью. Она «наводила порядок». Мир должен был функционировать по правилам, а не по наитию. По ее правилам.

Она ждала Виктора, готовясь к привычному сценарию: он войдет, устало бросит портфель, будет жаловаться на работу, они обменяются парой колкостей и будут ужинать в гнетущей тишине. Она уже приготовила дежурную реплику о том, что его портфель царапает паркет из мореного дуба. Эта предсказуемость была основой их брака последние лет десять.

Когда щелкнул замок, она даже не повернула головы. Но шаги мужа в прихожей были другими. Не тяжелыми, а какими-то... нерешительными. Он вошел в столовую, и в руках у него была маленькая картонная коробочка, перевязанная бежевой лентой.

Изольда вскинула на него брови. Что это? Неуклюжая попытка загладить вину за что-то, о чем она еще не знает?

Виктор подошел к столу и молча поставил коробочку рядом с ее тарелкой.

— Что это? — спросила она, и ее голос был холоден, как хрусталь бокалов.

Он не стал оправдываться или жаловаться. Он просто посмотрел на нее, и сказал слова, которые выбили ее из колеи своей неожиданной простотой.

— Дорогая, я увидел это и подумал о тебе.

Изольда замерла. Не «прости», не «я устал», не «позволь мне загладить вину». А «я подумал о тебе». Фраза, которую она не слышала уже много лет. Ее пальцы, лежавшие на белоснежной салфетке, дрогнули.

Она с подозрением посмотрела на коробочку. Упаковка была слишком простой, не из тех элитных кондитерских, где она иногда заказывала десерты для приемов. Она знала, откуда эта коробочка. И это делало ситуацию еще более странной.

Медленно, словно опасаясь подвоха, она развязала ленту и открыла крышку. Внутри, на пергаментной бумаге, лежало одно-единственное пирожное. Белое, воздушное, как облачко, с капелькой розового джема и одним засахаренным лепестком фиалки. Оно было до смешного простым. Не вычурным, не перегруженным магическими эффектами. Оно было... изящным.

Изольда подняла на Виктора глаза, ища подвох. Но он просто стоял и смотрел на нее с какой-то робкой надеждой.

— Ужин стынет, — только и смогла сказать она, потому что привычные колкости застряли в горле.

Они сели за стол. И впервые за многие месяцы, а может, и годы, ужин прошел не в давящей тишине, а в легкой беседе. Виктор не жаловался на калькулятор-поэт. Он спросил, как прошел ее день в попечительском совете, и, кажется, даже выслушал ответ.

Когда с основным блюдом было покончено, он молча встал, заварил чай — ее любимый, с бергамотом, — и поставил коробочку с пирожным между ними.

Изольда колебалась лишь мгновение. Потом взяла серебряную десертную вилочку и отломил крошечный кусочек. Крем был легким, с тонким ванильным ароматом. Джем добавлял кислинку, а лепесток фиалки тихо хрустнул на зубах, оставив послевкусие весны. Вкус был чистым. Не перегруженным. Он не пытался доказать ей, что он стоит тех денег, что за него заплатили, как все десерты на ее приемах. Он просто... был. И, к ее собственному удивлению, ей захотелось отломить еще кусочек.

Они допили чай в мирном молчании. Когда Виктор убирал посуду, он на мгновение задержался у ее кресла.

— Спокойной ночи, Изольда, — тихо сказал он.

— Спокойной ночи, Виктор.

В эту ночь Изольда долго не могла заснуть. Перед глазами почему-то стояла эта дурацкая простая коробочка.

Глава 18. Трещина во льду

Несколько дней маленький бумажный пакетик лежал на письменном столе Лизы, как таинственное послание. Она уже сделала все уроки, разложила учебники на завтра и даже несколько раз перечитала главу из учебника по истории магии. Но все ее мысли возвращались к конфете, к которой она так и не осмелилась прикоснуться, и ее странному «активатору».

Подойти к зеркалу и сказать себе комплимент.

Это звучало как самая сложная задача в мире. Сложнее, чем выучить руны древних гоблинов или рассчитать траекторию полета метеора.

Но в тот день, когда за окном ярко светила луна, Лиза наконец решилась подойти к старому зеркалу на дверце шкафа. На нее смотрело до боли знакомое отражение: растрепанные русые волосы, слишком большие очки, брекететы, которые, казалось, занимали половину лица. Серая мышь во всей своей серой красе.

«Скажи комплимент», — пронеслось в голове голосом той девушки из кондитерской.

Лиза открыла рот. И закрыла. Что она могла сказать? «У меня отличные брекететы»? «Мои волосы лежат в полном беспорядке, и это мой стиль»? Каждое слово казалось фальшивым. Ее взгляд скользнул по лицу, ища хоть что-то, за что можно было бы зацепиться. И вдруг она заметила свои ресницы. Длинные, темные. Когда она не шурилась от страха, они выглядели... неплохо.

Она сделала глубокий вдох.

— У меня... — голос был тихим и неуверенным, словно она говорила на чужом языке. — У меня красивые ресницы.

Слова повисли в тишине комнаты. Ничего не произошло. Никакой вспышки света, никакой волшебной музыки. Просто она и ее отражение. Но лед внутри, кажется, дал крошечную, почти невидимую трещинку.

Она вернулась к столу, дрожащими пальцами развернула пакетик и положила в рот медовую карамельку. Вкус был теплым и сладким. Никакого магического разряда. Никакого чувства всемогущества. Просто вкусная конфета. Лиза почувствовала легкое разочарование, но в то же время ей стало немного смешно от всей этой ситуации.

На следующий день на уроке истории магии все было как обычно. Господин Вяземский, учитель, монотонно бубнил о последствиях Гоблинских войн. Лиза сидела на своем обычном месте, стараясь слиться с партией. Она чувствовала на себе взгляды одноклассников и снова хотела стать невидимкой.

— А теперь вопрос посложнее, — сказал учитель, оглядывая класс поверх своих очков. — Кто может назвать три основных экономических фактора, которые привели к подписанию Эльфийско-Гномьего торгового пакта, и как они повлияли на магическое сообщество людей?

В классе повисла тишина. Это был вопрос со звездочкой, для отличников. Лиза опустила глаза в тетрадь. Она знала ответ, ведь вчера читала соответствующую главу. Все три фактора, четкие и ясные, стояли у нее перед глазами.

Сердце застучало так громко, что, казалось, его слышал весь класс. Рука вспотела. Привычный страх, липкий и холодный, начал сковывать ее. «Молчи, — шептал он. — Сиди тихо. Не высовывайся. А что, если ты ошибешься? Будут смеяться».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.